

Синди была совсем маленькой девочкой, когда ее мать ушла. Она не могла понять этого, когда это случилось, и все еще не могла понять спустя годы, когда ей исполнилось восемнадцать. Если уж на то пошло, то теперь в этом было еще меньше смысла. Ее "папа", как она все еще думала о нем, был богом. Он был тренером в ее средней школе и тренировал баскетбольные команды мальчиков и девочек. Он тренировал футбольные команды ее старших братьев и даже ее саму в течение двух лет.

По общему мнению, он был отличным тренером. Он также был внушительным физическим образцом, ростом более шести футов, с огромной мускулатурой и уравновешенностью. В молодости, задолго до рождения детей, он был выдающимся спортсменом. Синди слышала разговоры о том, что он мог бы стать профессиональным спортсменом, если бы ее мать не "тянула его вниз". Она была совсем маленькой, когда услышала это, и тогда не понимала, что это значит. Она все время представляла, как ее отец пытается плыть, а мать хватается его за ноги и тянет под воду.

У Синди было три старших брата, все они с раннего возраста были успешными спортсменами. Она наблюдала за отцом и братьями в течение многих лет и завидовала их особой связи. Но ей всегда казалось, что она в какой-то степени остается в стороне. Быть единственной девочкой в семье казалось ей проклятием.

Когда ей исполнилось двенадцать лет и ей пришлось купить свой первый бюстгальтер, она ужасно переживала по этому поводу. Отцу было так неловко вести ее в магазин за этим бюстгальтером, и она выглядела совершенно неуместно в секции нижнего белья для молодых девушек в магазине. Она даже не представляла, как радуются другие девочки, получив свой первый бюстгальтер, для нее же это был скорее травматический опыт, чем обряд посвящения. По мере того как ее растущая грудь увеличивалась в течение следующих шести лет, она даже не хотела просить его взять ее с собой в магазин. Он даже выглядел смущенным, когда она тихо сказала ему, что ей нужно купить бюстгальтер большего размера.

Ее большие сиськи казались проклятием и в другом смысле. Они полностью мешали ей, когда она пыталась заниматься спортом, а такая большая грудь мешала ей держать равновесие. В течение трех лет она пыталась купить спортивные бюстгальтеры, чтобы они плотно прижимались к груди, но ко второму курсу средней школы это стало невозможным. Ее сиськи были слишком большими, чтобы позволить это. К тому же это стало откровенно болезненным. У нее были толстые соски размером с большой палец, очень чувствительные, и нежная кожа груди всегда чувствовала себя сдавленной под таким жестким ограничением. Они пульсировали и болели почти час каждый раз, когда она наконец снимала пропитанный потом спортивный лифчик.

* * *

Поскольку ее братья были такими отличными спортсменами, их набирали крупные университеты по всей стране. К тому времени, когда Синди училась в младших классах средней школы, все ее братья находились за сотни или тысячи миль от нее, разбросанные по всей стране. Все трое женились очень рано, и у них были свои дети. Они были так заняты своими молодыми семьями, что почти никогда не приезжали домой.

Ее отец решил продать их дом, так как им не нужно было столько места. Это решение оказалось очень удачным: им удалось продать его за большие деньги как раз перед тем, как рынок жилья рухнул. В результате они жили в очень хорошей квартире, и у них было достаточно денег, чтобы ездить летом в гости к ее братьям и их семьям.

Единственным недостатком этих поездок было то, что они подчеркивали, насколько сильно ее отец любил ее братьев больше, чем ее. По крайней мере, так ей казалось. Они всегда смеялись, шутили и веселились вместе больше, чем она с папой. Она никогда не жаловалась на это, "зная", что это просто часть ее "проклятия" - родиться женщиной.

Эрик, ее отец, никогда так не считал. Он очень любил свою девочку, и его сыновья, конечно, видели, как он заботился о ней, когда она была маленькой и они все еще жили дома. Как и многим другим отцам, ему было трудно представить свою дочь кем-то другим, кроме той драгоценной малышки, которая озаряла его мир, когда смеялась и прыгала на его коленях.

Теперь он чувствовал себя все более неловко рядом с дочерью, но только потому, что чувствовал себя не в своей тарелке. В столь раннем возрасте она превратилась в прекрасную молодую женщину, и он не был готов к этому, когда это случилось. По крайней мере, так он говорил себе. Это не было проблемой, когда у других школьников в его классе и в его команде были такие же проблемы, но это была его работа. Он принимал это как должное и делал все возможное, чтобы не смущать этих девочек.

Когда же это вдруг оказалась его собственная дочь, он все время чувствовал себя неловко и пытался справиться с этим. Он никогда в жизни не чувствовал себя неловко. Когда Синди сказала ему, что собирается бросить играть в баскетбол после второго курса, он был совершенно ошеломлен.

"Тыковка, зачем тебе это? Ты же один из лучших игроков в команде!".

Она яростно покраснела и посмотрела в пол. "Это..." Она собралась с силами и подняла на него глаза, заставляя свой рот произносить слова. "Мои сиськи просто слишком большие. Они очень мешают. В нашей последней игре я дважды отбивала мяч, потому что моя рука зацепилась за грудь..." Она взмахнула рукой по дуге, и он увидел, как ее бицепс зацепился за выпуклость груди. "Вот так".

Его глаза расширились на долгое безмолвное мгновение. Ничто в его жизни не готовило его к такому. Наконец он тяжело сглотнул и сказал: "Ладно, Тыковка. Прости меня".

Он был несчастен, потому что ни черта не мог сделать. Он всегда был человеком действия, тренером, человеком с планом. Теперь он чувствовал себя беспомощным, и это просто убивало его. Он очень любил свою маленькую девочку и не хотел, чтобы ей было больно. Синди увидела грустное выражение его лица и снова почувствовала, что разочаровала отца. Ей удавалось держать себя в руках, пока она не удалилась в свою спальню, но потом она зарылась лицом в подушку и разрыдалась.

После этого никто из них больше не хотел поднимать эту тему.

* * *

Большую часть следующего года Синди чувствовала себя все хуже и хуже. Ее отец становился все более отстраненным. Она больше не могла говорить с ним даже о спорте. Он пытался поддержать разговор в течение минуты или около того, но потом неизменно находил причину уйти и заняться чем-то другим. Она задавалась вопросом, не слишком ли она глупа для него. Это действительно беспокоило ее, потому что она думала, что хорошо разбирается в спорте, который они смотрят.

Ее оценки в школе были хорошими. Только потому, что она так высоко ценила своего отца и знала, что он был чем-то вроде гения, когда дело касалось спорта, она решила, что он не в ее лиге.

Проблема" заключалась в ее невероятных сиськах.

Синди всю жизнь носила обтягивающие футболки. Это были ее форменные рубашки, в которых она ходила в школу и в которых играла, когда еще соревновалась на детской площадке. К старшим классам она носила менее откровенные топы, но как только приходила домой, снимала блузку или пуловер, расстегивала неудобный лифчик и надевала одну из своих мягких, удобных футболок. Из-за них ее грудь не могла остаться без внимания отца.

Стягивающие лифчики, которые Синди покупала для себя, впивались в мягкую плоть ее груди в течение всего школьного дня, часто оставляя сердитые красные рубцы. Обычно она выходила из спальни, продолжая массировать грудь и пытаясь убрать эти упрямые складки на коже. Ее чувствительные соски всегда реагировали на эту стимуляцию и гордо торчали из груди в течение нескольких часов после этого. Она искренне не осознавала, какой непристойный спектакль она устраивает для своего отца.

И снова Эрик оказался в ситуации, к которой не был готов. Он не мог придумать, как затронуть эту тему со своей дочерью так, чтобы не показалось, что он ее разглядывает. Он подумал о том, чтобы спросить у своей давней подруги, что ему делать, но быстро отбросил эту идею. Он уже представлял, как это будет выглядеть. "Эй, Тесса, у моей дочери огромные аппетитные сиськи, и она настаивает на том, чтобы носить по дому обтягивающие футболки без лифчика. Что мне с этим делать?" Она бы назвала его извращенцем и бросила.

Он стал реже приглашать Тессу в их квартиру, опасаясь, что она увидит Синди в таком виде. Это не привело к их разрыву, но, конечно, не помогло. В итоге Тесса получила повышение в другом штате и уехала. После этого Эрик не пытался найти другую девушку.

* * *

В конце младших классов средней школы Синди, наконец, пережила тот момент "эврики!",

который изменил ее жизнь.

Когда она была младше, большинство ее друзей были мальчиками. Она была настолько конкурентоспособна в спорте, что они предлагали ей лучшие испытания. Кроме того, воспитание с тремя старшими братьями сделало ее в некотором роде сорванцом. Лишь немногие по-настоящему спортивные девушки разделяли ее стремление к соперничеству, как это делали мальчики. Со временем, особенно после того, как у нее начала расти грудь, эти мальчики, казалось, изменились. Они больше не были друзьями, и она не могла понять, что произошло.

В старших классах у нее оставалось все меньше и меньше друзей. Другие девочки, казалось, недолюбливали ее без всякой видимой причины. Однажды ее обвинили в том, что она пыталась увести парня какой-то девушки. Это вышло из ниоткуда - она не знала ни одного из них. Синди делала все, что могла, и старалась быть милой со всеми, но к одиннадцатому классу она стала одиночкой.

И вот однажды наступил тот волшебный момент: Она сидела на уроке английского языка, скучая до умопомрачения, когда, оглянувшись, обнаружила, что на нее кто-то смотрит. Его звали Гарри, но всю жизнь его звали Хэнк. Они были друзьями много лет назад. Хэнк смотрел на ее сиськи. Он выглядел ужасно смущенным от того, что его застали за этим занятием, и неловко переминался на своем месте.

Синди задыхнулась, заметив его напряженную эрекцию на коленях. Она бы даже не заметила, если бы он не старался так сильно это скрыть. Учитель посмотрел на нее и спросил, все ли с ней в порядке. Ее мозг работал быстро, пока она переваривала не только то, что сделал Хэнк, но и десятки мелочей, которые до этого момента не укладывались в голове. Она мило улыбнулась своему учителю.

"Лучше не бывает", - ответила она.

* * *

Быть девушкой с нежной внешностью и большой грудью так долго казалось ей проклятием, что трудно было принять свою вновь обретенную силу, вызванную этими самыми качествами. Она была шокирована, обнаружив, как легко ей удастся очаровывать молодых людей улыбкой и едва заметным пожатием плеч. Ее папа не жаловался, когда она просила у него денег на новый гардероб. К тому времени она уже привыкла сама покупать себе одежду.

Со своей стороны, Эрик почувствовал облегчение, когда она попросила его об этом. Он предполагал, что она собирается купить футболки большего размера и менее откровенную одежду. Он был ошеломлен, когда увидел, что она одета в школу в новые наряды. Новая одежда, которую она надела в школу, только подчеркивала ее достоинства. Хуже того, он понял, что ее большая грудь была не единственным аппетитным достоинством. Эффектная попка его дочери привлекала взгляды как учеников, так и учителей, когда она надевала в школу свои новые облегающие наряды.

Ему потребовалось все его самообладание, чтобы не пялиться на собственную дочь в школе, когда на ней был лифчик. Дома у него не было никаких шансов. Снова и снова он ловил себя на том, что смотрит на ее сексуальное тело, и испытывал отвращение к себе.

Когда Синди начала встречаться, она стала реже появляться в квартире. Для Эрика это было облегчением. Когда он оставался дома один, он мог расслабиться и ослабить бдительность. Он не знал, что она обычно гуляет с парнями. Ей было восемнадцать, и он не лез в ее светскую жизнь, поскольку она уже была взрослой. Он не знал, что пока он отдыхал дома один, его роскошная, грудастая дочь изучала интимные тонкости и нюансы свиданий.

Ей доставляло огромное удовольствие превращать парня в трепещущую массу благодарности. Потрясающее ощущение - чувствовать, как твердый член извергается в нее, когда она принимает таблетки. Синди не была шлюхой, она не спала с каждым парнем, с которым могла переспать, и никогда не пыталась увести парня у другой девушки. Ей было достаточно знать, что она может это сделать.

Через несколько месяцев после того, как ей исполнилось восемнадцать, она поняла, что ее новообретенные "суперспособности" действуют даже на ее собственного папу. Этот момент стал откровением, которое потрясло ее до глубины души.

* * *

С тех пор как установилась теплая погода, Эрик начал испытывать трудности. Каждый день, когда они приходили домой из школы, Синди начинала снимать школьную одежду, как только они оказывались у входной двери. Казалось, она не замечала, что отец видит ее, когда она стягивала через голову облегающий топ и расстегивала лифчик по пути в спальню. В выпускном классе ее грудь стала еще больше, но она не удосужилась купить новые футболки, чтобы носить их по дому. Из-за этого футболки казались еще меньше и прозрачнее, так как были натянуты на ее грудь.

Еще хуже было то, что с наступлением теплой погоды Синди перестала носить брюки и шорты, когда они были дома. Она носила только трусики, и некоторые из них были совсем крошечными. Большинство ее футболок были настолько длинными, что он видел ее трусики, только когда она наклонялась или растягивалась на диване. Эти стройные изгибы, казалось, постоянно привлекали его внимание. Его железный самоконтроль был единственным, что не позволило ей заметить это раньше.

Когда она наконец поймала его за этим занятием, он даже не понял, что его поймали.

Синди наклонилась в гостиной, чтобы поднять листок бумаги, упавший с журнального столика. Она только что выключила телевизор и увидела отражение отца в экране. Он секунду смотрел на ее задницу, а потом вздохнул, повернулся и пошел в свою спальню. Все произошло так быстро, что потом Синди даже не была уверена, что видела это.

В течение вечера она начала тонко дразнить папу так, как дразнила мальчиков и некоторых

учителей-мужчин в школе. Она должна была признать, что он действительно хорошо держал свои взгляды незаметными, но он определенно смотрел. Это было так возбуждающе, что ее соски стали заметно тверже. Он, конечно, заметил.

Это не было похоже на реакцию мальчиков в ее школе - у него не было явного стояка и он не заикался, когда приглашал ее на свидание. Тем не менее, ее сильно заводило осознание того, что ее идеальный папа не был невосприимчив к ее чарам. Это было все равно, что узнать, что у тебя есть какая-то связь с супергероем, таким как Супермен или Капитан Америка.

Со своей стороны, Эрик был настолько увлечен тем, чтобы не попасться на неуместный взгляд дочери, что не замечал, как она смотрит на него. Как бы ни беспокоили его ее обтягивающие футболки, он не обращал внимания на то, что обычно носит футболки или майки, демонстрирующие его мускулистую грудь и плечи. Ему просто не приходило в голову, что его обтягивающие футболки могут оказывать на нее такое же воздействие - что вид его выпуклых грудных мышц будет ее возбуждать. У него был регулярный режим тренировок, который он соблюдал ежедневно, и его дочь часто видела его сразу после того, как он возвращался из спортзала - еще блестящего от пота и с выпуклыми мышцами.

Теперь, когда она стала сексуально активной, вид отца в таком состоянии каждый раз возбуждал ее.

Прошло три недели после того, как она впервые поймала его взгляд, прежде чем Синди поняла, что хочет, чтобы между ними что-то произошло. Катализатором этой перемены стала простая вещь. Она увидела своего отца голым в душе. И снова Эрик не осознавал, когда это произошло.

Он был в душе, мыл волосы и закрыл глаза. Он не слышал, как открылась дверь, когда вошла его дочь. Обычно она не стала бы этого делать, но ей очень хотелось в туалет. Она подумала, что может просто прокрасться и воспользоваться туалетом, если только не спустит его после этого, и он ничего не узнает. Она была права. Однако, пока она сидела и пыталась тихонько пописать, она поняла, что может заглянуть в душ через щель в конце занавески.

Тело ее отца было воплощением мужского совершенства, когда на него каскадами лилась горячая вода. Она не могла поверить в то, насколько он был упитан. Длинный, толстый ствол свисал вниз перед ним в душе, и от этого у нее пересохло во рту. Она быстро закончила мочиться и вышла из ванной так, что он даже не заметил ее присутствия, но ущерб был нанесен. Синди не могла выбросить из головы образ обнаженного папиного тела и великолепного члена.

* * *

В то время Синди встречалась с двумя старшеклассниками на случайной основе. Они оба были спортсменами и знали, что она не была их "девушкой". Они ценили время, которое она проводила с ними, и им нравилось, как она возбуждалась после того, как видела своего отца в душе. Они, конечно, не знали, что так все и было. Они также не понимали, как сильно они

страдают от сравнения. Ее отец был больше и внушительнее во всех отношениях.

Синди нравилось брать их твердые члены в рот или в киску, но все больше ее возбуждала мысль о внушительном члене отца. Она стала думать о нем как о "папином члене", и это разжигало ее желание все больше и больше.

Эрику показалось немного странным, что она стала называть его "папочка". Она делала это, когда была моложе, но вдруг она стала называть его так постоянно. Тот факт, что она также говорила с ним немного более высоким голосом, сначала не привлек его внимания. Он так привык стараться не обращать слишком пристального внимания на свою сладострастную дочь, что ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это происходит. К тому времени она постоянно обращалась к нему именно так.

Это было также незаметно, когда она стала чаще прикасаться к нему и прижиматься к нему. Он сразу заметил, когда она впервые подошла к нему сзади на кухне и крепко обняла. То, как ее грудь прижалась к нему, было безошибочно. Ему было приятно видеть ее улыбающееся лицо, и он старался не обращать внимания на то, как напряглся его член в шортах, когда она это делала.

Синди была в восторге от этого. Однако она понимала, что отец отказывается признать, что она его возбуждает. Это только усиливало ее желание. Папа был самым настоящим запретным плодом, и она твердо решила попробовать его.

Этот вкус начался с поцелуев.

Эрику было трудно определить, с какого момента это началось, но Синди стала целовать его в губы все чаще и чаще. Ему было приятно видеть ее счастливой, а ее прекрасная улыбка радовала глаз. Он не возражал против ее объятий и старался не обращать внимания на то, как приятно ему было чувствовать, когда ее грудь прижималась к нему. Когда она улыбнулась и сказала: "Я люблю тебя, папочка", он совершенно естественно поцеловал ее.

Эти короткие чмоки в губы постепенно превратились в мягкие, затяжные поцелуи. Когда Синди впервые скользнула к нему на колени лицом и поцеловала его, это был короткий поцелуй, и ему понравилось, как она улыбнулась ему, прежде чем встать и лечь в постель. Он был рад, когда она сделала это снова на следующий вечер, и счастливо вздохнул, глядя, как она уходит. Он почувствовал себя грязным только тогда, когда понял, что смотрит на ее сексуальную попку.

Эти ночные поцелуи становились все длиннее и длиннее, и Эрик чувствовал себя виноватым, когда почувствовал, как его член твердеет под горячей, обтянутой трусиками промежностью его дочери. Он был потрясен, когда она просунула свой язык в его рот. Он откинул голову назад и, наконец, смог что-то сказать.

"Тыковка, это неприлично", - мягко укорил он ее.

"О", - ответила она, моргая на него своими огромными глазами. "Хорошо, папочка".

После этого он несколько раз почувствовал, как ее язык коснулся его губ, но он держал губы плотно сжатыми и каждый раз прерывал поцелуй быстрым чмоком. Она сумела сдержать свое разочарование и вместо этого с любовью улыбнулась ему.

<http://erolate.com/book/2608/62457>